

Досанова Гулим Мендыгалиевна,
докторант 2-го курса направления “Социология”,
Евразийский национальный университет им.
Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

Дискурс ислама в работах западных исследователей

В последнее время академический интерес и внимание исследователей Запада все более привлекает тема возрождения ислама в Центральной Азии. Необходимо отметить, что после распада Советского Союза пристальное внимание исследователей привлекали проблемы нацистроительства, нации и национализма, этничности. Сегодня же фокус исследований смещается в сторону изучения института религии как нового социального института, его новых практик в повседневной жизни автохтонных народов региона.

Актуализация современных исследований западных ученых по изучению вопросов развития ислама в ЦАР определяется необходимостью новых методологий, методик и техник исследования, новых способов интерпретации социальной действительности. Что в свою очередь придает работам западных исследователей академическую новизну и научную ценность.

Почему ислам становится важной повесткой в академических исследованиях? Видимо речь идет об активизации ислама на территории Центрально-Азиатского региона как идеологии и практики, способной противостоять диффузии и доминированию «западных» ценностей, которые рассматриваются в мусульманском мире как интервенция и новая экспансия в регион. Активизация исламских организации на территориях ЦАР объясняется наличием в мусульманском мире большого числа социально и психологически депривированных людей, усмотревших в исламе способ разрешения своих насущных и частных духовных проблем. Кроме того, в активизации ислама и мобилизации исламских организаций заметна роль внешних сил, стремящихся лоббировать свои цели и интересы на противоречиях, которыми богат современный ЦАР.

В данной статье рассматриваются академические работы исследователей Запада, большей частью англоязычные работы, посвященные изучению ислама на территории ЦАР.

Труд Адиба Халида "Политика мусульманской культурной реформы: джадидизм в Центральной Азии" направлен на изучение Центральной Азии как "объекта исследования мусульманского общества", поскольку, во-первых, мусульманское общество и мусульманская элита Российского Туркестана являлись частью общего мусульманского мира, а споры и дискуссии, характерные для российских подданных, имели параллели и в мусульманском мире за пределами империи. Более того, внимание к дебатам в среднеазиатском обществе позволяет увидеть больше новых нюансов российского империализма. Второй причиной, привлекающей внимание автора к

обозначенной проблеме, было осознание того факта, что только изучив исторический контекст, проанализировав развитие событий второй половины XIX - начала XX веков, вскрыв сущность и особенности джадидизма, можно понять события 1917 года, ставшие своего рода "моментом истины" для джадидистов, а также культурную политику в советской Средней Азии.

В исследовательском фокусе автора находятся вопросы, трансформации среднеазиатского общества в колониальную эпоху, истоки и этапы становления джадидизма и утверждения джадидов в качестве новой лидирующей исламской культурной элиты, их позиция в период революций 1917 года и последовавшая вслед за этим необходимость изменения социальной и политической стратегии джадидов, прежде всего в отношении к государству и при определении первоочередных интересов мусульманского общества Центральной Азии [1].

В работе Ахмада Рашида "Джихад: подъем воинствующего ислама в Центральной Азии" раскрывается история становления ислама в Центральной Азии, начиная с периода частично «задавленного» властью советов ислама (1920-1990-е гг.). Отдельно автор рассматривает возрождение ислама в период обретения независимости государствами ЦАР, а также деятельность исламских движений и их лидеров в ЦАР начиная с 1991г. В целом, работа анализирует роль внешних факторов в религиозной ситуации новых независимых государств. Это проявляется в поддержке распространения ислама, либо, наоборот, в противоборстве распространению ислама в регионе.

В первой части работы автор дает историческую справку относительно преисламского периода в Центрально-Азиатском регионе.

Отдельно исследователь отслеживает судьбу ислама при власти большевиков, их попытки уничтожения религии, но которым, как указывает А. Рашид, удалось не столько искоренить, а сколько частично нивелировать значение религии в повседневной жизни автохтонных народов региона.

Говоря об изоляции азиатских народов в течение последних четырехсот лет, в особенности под игом Советского Союза, автор повествует как выжил «забитый» ислам, несмотря на политический и экономический шок экскоммунистических лидеров региона. Согласно утверждению автора, возрождение ислама - следствие неудачных экономических и политических реформ в регионе. В силу этого, как указывает А. Рашид, ислам в ЦАР носит скорее политический характер, зачастую приобретая протестную форму. В качестве примера А.Рашид приводит Исламскую партию возрождения, Исламское движение Узбекистана, Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами.

Вторая часть книги представляет собой нарратив деятельности различных исламских движений и их лидеров на территории ЦАР, в том числе о Саиде Абдуллахе Нури, Ходже Акбаре Тураджанзаде, Тахире Юлдашеве, Жуме Намангани. Автор увязывает успешную деятельность исламских лидеров в регионе с фактом коррумпированности в некоторых государствах ЦАР, в особенности в Узбекистане и перенаселенной

Ферганской долине с ее религиозными традициями и памятью о басмачах, которые противостояли большевикам.

Исследователь Том Охайко рассматривает возможности казахских лидеров в турбулентные периоды истории: восстания 1916г., революций 1917г. и гражданской войны. По словам автора, ранние казахские интеллектуалы (А.Букейханов, М.Дулатов, А.Байтурсынов и пр.) свои ранние политические идеи сформировали будучи сторонниками кадетской партии, которая затем оформляется в кратковременное правительство в Казахстане (Алашская автономия), пытавшееся демаркировать светскую и религиозную власть в государстве [2].

Т. Охайко считает, что цели первых казахских интеллектуалов были до конца не ясными, варьируясь от вестернизации до ностальгического казахского традиционализма, результатом чего выступает неопределенность при выборе типа политического управления и идеологии казахского государства. Встает вопрос – придерживались ли сами алашские лидеры религиозных идей или были светскими людьми? Автор подчеркивает, что ранние казахские интеллектуалы не способны были получить какую-либо политическую выгоду из восстания 1916г. и были не уверены при выборе определенной стороны в период Гражданской войны. В конце концов, многие из них приняли сторону большевиков, затем были репрессированы в 1930-е г.г.

Ученый Обия Чика отслеживает социальную мобильность национальных политических лидеров Средней Азии в 1930-1940-х г.г., адаптирующихся к политическим изменениям и «меняющих» свою национальную и религиозную идентичность. Так, на примере узбекского лидера Файзуллы Ходжаева, автор показывает «эволюцию» типичного бухарского «сарта» в узбекского националиста-альбеита в советской вариации, который «открывает» в себе узбека и назначается главой правительства в Узбекской ССР, когда Сталин дает понять, что Бухарская народная республика не имеет шансов на вхождение в число союзных республик. Автор напоминает нам, что после приобретения независимости Узбекистаном имя и заслуги Ходжаева были умалены в сравнении с другими персоналиями, также попавшими под репрессии.

Тьерри Царконе, исследователь восточного Тянь-Шаня, СУАР, КНР, выявил особенности Турфанского и Яркендского восстаний 1931г., движущей силой которых были националистически настроенные джаддидиды и суффисты. Так, если Турфанское восстание было изначально направлено на модернизацию общества во главе с буржуазией, то восстание в Яркенде было нацелено на создание исламского государства. При этом автор указывает на значение исламского фактора в восстании киргизов и уйгур.

Часть авторов рассматривает вопросы современного развития ислама и политическую мобилизацию в новых государствах ЦАР в политическом контексте.

Российский исследователь Ирина Костюкова в своей монографии «Ислам в современном Кыргызстане» рассматривает в качестве главного

фактора, способствовавшего расцвету ислама в стране, социальный и экономический упадок в постсоветский период. Помимо этого, исследователь изучила мнение киргизского общества относительно проблем возрождения ислама. Автор рассматривая безработицу и миграцию как значимые факторы исламского ренессанса, делает акцент на том, что актуальным вопросом для киргизского правительства является относительно меньшее влияние ислама на севере и пиетизм Ферганской долины. На севере страны националистические настроения весьма вестернизированного (как минимум русифицированного) населения и ностальгический киргизский традиционализм, берущий свое вдохновение от эпоса “Манас”, более важен нежели ислам. В то же время на юге страны, с явным преобладанием узбеков, где ислам представляет наибольшую опасность и угрозу, наблюдается влияние движения ваххабитов.

Исследователь из Гарвардского университета Джон Шоберлайн в статье “Ислам в Ферганской долине” [6] осуществляет кампаративный анализ реакций государств, разделяющих между собой Ферганскую долину (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан) на появление исламского фундаментализма в конце 1990-х г.г., когда Исламское движение Узбекистана (ИМУ) подвергло регионы и их население бомбовым взрывам, занималось киднепингом в Кыргызстане и Узбекистане. Автор анализирует мотивацию, стоящую за реакцией трех государств ЦАР и разногласия, которые возникают между данными странами как результат узбекской проактивности (взрывы таджикских районов), киргизской неоднозначности и таджикского единогласного осуждения [3].

В работе “Глобализация и постсоветское возрождение ислама в Центральной Азии и Кавказе” исследователь Мохаммад Карим считает, что крах коммунизма в конце XX века привлек огромный интерес к событиям, происходящим в Центрально-Азиатских республиках и Кавказе, являвшихся исконно мусульманскими территориями в составе Союза. По его мнению не только мусульманский мир, а также и западный мир является одинаково вовлеченным в данный регион. В то же время Россия остается влиятельным игроком в регионе.

К факторам, вызывающим огромный интерес внешних сил к ЦАР и другим мусульманским регионам на постсоветском пространстве, автор относит как экономические, политические и культурные, так и религиозные факторы. Исследователь отмечает включенность исламских групп в образовательную и культурную среду, что объясняет их политическую активность. М. Карим фокусируется на двух главных вопросах, касающихся политических изменений после обретения независимости и изменения роли ислама в данном регионе в современный период. Автор утверждает, что к началу XXI века глобализация становится революционной идеей, многие события нового тысячелетия (к примеру, крах коммунизма, развал Союза, события 11 сентября) привели к когерентности мирового сообщества.

М. Карим дает свое определение глобализации как тренда, устанавливающего новый мировой порядок (или беспорядок?), как процесс

унификации мира, когда мусульманские и западные страны находятся под одним «зонтом», что приводит в свою очередь к гомогенизации и к интеграции. При этом автор считает, что ни одно современное государство не может жить в изоляции, и демаркация между странами не может проводиться на основе идеологии. Ярким примером этого, считает автор, является Европейский Союз, когда некоторые европейцы склонны называть данный союз «Соединенными штатами Европы» [4].

М. Карим использует понятие глобализации как идентичное понятиям «вестернизация, американизация» и указывает, что данный феномен не одинаково приветствуется всеми странами мира. При этом траектория развития глобальных сообществ в направлении международной, экономической и технологической кооперации порой противоречит социальным, культурным и цивилизационным особенностям. Этим, быть может, и объясняется возрождение ислама в ЦАР, вызывающее одинаковое беспокойство как со стороны светских правительств в мусульманском мире, так и со стороны стран Запада?

Изучением ислама на постсоветском пространстве занимаются и другие авторы.

В работе британских социологов «Ислам в постсоветской России: от публичного к частному» на основе широкомасштабного исследования анализируются политические, социальные и культурные последствия распространения ислама на постсоветском пространстве. Изучая ситуацию в регионах с высокой численностью мусульманского населения, авторы прослеживают долгую историю сосуществования в России ислама и православия, дают оценки недавним изменениям этно-религиозных идентичностей в сторону большей автономии и дифференциации, рассматривают роль ислама в повседневной жизни локальных сообществ. Различия между официальными и неофициальными версиями ислама показаны на примере того, как в действительности совершаются или не совершаются обряды и ритуалы, каким образом ислам передается от поколения к поколению, какое значение имеет в настоящее время религиозная исламская мысль, включая идеи радикальных сект, а также как воспринимаются роли мужчин и женщин. Также в работе рассматривается то, как национально-религиозное возрождение на постсоветском пространстве повлияло на восприятие вопросов гендера мусульманским населением республик. Основной акцент делается на четырех темах: образы «настоящего» мусульманина и «настоящей» мусульманки, отношение к многоженству, внешние атрибуты мусульманской идентичности, выраженные, в основном, в одежде, значимость национальности и религии при выборе супруга или супруги [5].

Исследователь Рассел Занка в статье «Объяснение» ислама в Центральной Азии: антропологический подход к Узбекистану» говорит о том, что дебаты, касающиеся религии в ЦАР, особенно в Узбекистане, вращаются вокруг необходимости борьбы с экстремизмом, исламским фундаментализмом и терроризмом или необходимости государствам ЦАР

прекратить гонение/притеснение религии в сравнение с другими институтами общества [6]. Используя этнографический подход, автор пытается показать, как активизация религиозных движений в Узбекистане проявилась в форме мятежей и бунтов среди молодежи, отчасти в форме оппозиционных течений и партий в условиях монолитной узбекской политической системы. Автор считает, что решающим фактором в возрождении ислама, религиозного поведения и повседневных религиозных практик в Узбекистане является долговременное игнорирование истории и культуры мусульманского населения.

В отличие от других исследователей Р. Занка считает, что религия в ЦАР не носит политически ангажированного характера, являясь социальным конструктом повседневной жизни. По мнению исследователя, ислам в Узбекистане является одновременно как историческим наследием, так и будущим, учитывая при этом существование различных мазхабов в исламе, отражающих специфику и структуру городов Узбекистана, особенно густо населенной Ферганской долины. В заключении автор, подчеркивает, что население региона, вне зависимости от того, религиозно оно или нет, чаще всего является жертвой и орудием в руках экстремистов, в силу своего низкого уровня образования, слабой информированности, безработицы и бедности в регионе.

Исследователь Берна Турам в своей статье “Политика вовлеченности между исламом и светским государством: амбивалентности «гражданского общества» освещает современные трансформации во взаимодействиях между исламом и светскими государствами, изменяющихся к соглашению, вовлеченности и кооперации. После коллапса СССР в глазах Запада ислам становится единственно возможным барьером построения демократии и гражданского общества по западному образцу, с учетом мусульманского контекста, а также угрозой в соблюдении индивидуальных прав и свобод.

Б. Турам изучает появление своеобразного тюркского ислама на примере Турции и Казахстана, характеризующихся общностью и родства языка и истории. Полевое исследование автора было посвящено изучению в Алматы (Казахстан) деятельности Фондов Казахско-Турецкого образования, включающего в себя не только сеть образовательных учреждений (казахско-турецкие школы-лицеи, вузы), а также культурные центры, иницирующие культурные и образовательные мероприятия в целях изучения языка, истории и культуры тюркского мира. Б. Турам указывает, что деятельность данных образовательных и культурных фондов на территории ряда стран ЦАР (не только Казахстана) финансируется за счет средств турецкого филантропа Фетуллаха Гюллена, видного исламского лидера, изгнанного из Турции за идеи, идущие вразрез с официальной политической идеологией основателя Турецкой Республики Кемаля Ататюрка. Таким образом, культурная ангажированность деятельности турецких фондов, считает исследователь, направлена на создание братских, патерналистских отношений между турками и казахами, равно как и между турками и другими тюркскими этносами. Б. Турам пытается показать в своей работе на примере Турции

возможности кооперации между исламом и светским государством, считая, что гражданское общество является результатом эффективного взаимодействия модели «ислам-государство», когда «горизонтальная организация ислама представляет платформу вертикальной вовлеченности в светское государство» [7].

Что показывает предпринятый нами анализ работ западных исследователей? За последнее десятилетие стремительно возросла роль религии в общественной жизни новых государств Центральной Азии. Расширились сферы традиционного религиозного института и его социальные функции, появились новые деноминации, усилилась восприимчивость широких слоев населения к религиозному воздействию, усложнились межконфессиональные отношения, широкое развитие получило религиозное образование.

Таким образом, анализ причин активизации религиозного фактора в Центрально-Азиатском регионе на основе работ исследователей Запада позволяет классифицировать их в следующие группы:

- 1) реакция на жесткую антирелигиозную политику в советский период;
- 2) социально-экономические причины (высокий уровень безработицы, снижение уровня жизни, социальная депривированность, дифференциация общества по уровню доходов, беззаконие и коррумпированность локальной власти, попирающих права и свободы граждан);
- 3) отсутствие объединяющей людей государственной/национальной идеологии, попытка конструирования/поиска новой национальной идентичности;
- 4) политический контекст возрождения ислама и повышения степени религиозности населения, наряду с распространением традиционных, а также экстремистских религиозных направлений;
- 5) культурный контекст ислама (к примеру, ношение мусульманской одежды) как проявление протестного поведения против диффузии «западных ценностей».

Ссылки:

1. Khalid Adeeb, *The politics of Muslim cultural reform: jadidism in Central Asia*. Berkeley&Los Angeles: University of California Press, 1998.-335 p.
2. Ahmad Rashid “Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia” (London: Yale University Press, 2002), 272 pp.
3. “Islam in Politics in Russian and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries)” Edited by Stephan Dudoignon and Komatsu Hisao (London: Kegan Paul, 2001), 394 pp.
4. Mohammad Karim Central Asia “Globalization and Post-Soviet Revival of Islam in Central Asia and Caucasus” *Journal of Muslim Minority Affairs*, Vol. 25, No. 3, December 2005
5. «Islam in Post-Soviet Russia. Public and private faces» edited by Hilary Pilkington and Galina Yemelianova RoutledgeCurzon, London and New York, 2003, 307p.

6. Russel Zanca “Explaining” Islam in Central Asia: An Anthropological Approach for Uzbekistan” Journal of Muslim Affairs, Vol. 24, No. 1, April 2004
7. Berna Turam “The politics of engagement between Islam and secular state: ambivalences of “civil society” The British Journal of Sociology 2004, Volume 55, Issue 2